

УДК 266.3

Иеромонах Августин (Пирогов)
магистр богословия,
студент II курса аспирантуры ОЦАД
e-mail oavgustin@yandex.ru

Hieromonk Augustin (Pirogov)
MA in Theology
PhD student of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies
e-mail oavgustin@yandex.ru

**РАЗРАБОТКА МИССИОНЕРСКОГО ЯЗЫКА КАК
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
МИССИОЛОГИИ В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ**

**DEVELOPMENT OF MISSIONARY LANGUAGE AS A
STRATEGIC TASK OF DOMESTIC MISSIOLOGY AT THE
BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена проблеме миссионерского языка как важнейшего аспекта современной миссии Церкви. Рассматриваются ключевые характеристики языка как средства коммуницирования между Церковью и обществом; проводится анализ современных миссионерских методов общения, приемлемого и не приемлемого формата, исходя из современного опыта Церкви. Доказывается гипотеза, что ключевым качеством современного миссионерского языка становится его ориентированность на различные группы молодежи, и формулируются основные принципы построения диалога с ними, исходя из особенностей психологии современного общества.

Abstract. The article is devoted to the problem of missionary language as the most important aspect of the modern mission

of the Church. The key characteristics of language as a means of communication between the Church and society are considered, an analysis of modern missionary methods of communication, acceptable and unacceptable formats, based on the modern experience of the Church, is carried out. The hypothesis is proved that the key quality of modern missionary language is its focus on various groups of youth, and the basic principles of building a dialogue with them are formulated, based on the peculiarities of the psychology of modern society.

Ключевые слова: миссионерство, миссионерский язык, молодежь, Церковь и общество.

Key words: missionary, missionary language, youth, church and society.

Исторический период, в который мы сейчас живем, обладает таким ярко выраженным своеобразием, что потребовал от культурологов, социологов и философов особого термина, позволяющего дать ему соответствующую характеристику. В современных научных и публицистических трудах звучит термин «постиндустриальная эпоха»; зачастую называют его «информационной» эпохой или эрой; учитывая стремительную и не прекращающуюся цифровизацию, можно употребить термин «сетевое общество» (network society), который предложил М. Кастельс [18, с. 69]. Однако в религиозно-идеологическом смысле конец XX века и начало XXI столетия заставляет говорить о себе как об эпохе постхристианской. Для Церкви это означает, что перед ней более остро, чем когда-либо, стоит задача уже не просто знакомить с учением Христа людей, стоящих вне ее ограды, — но задача вернуть туда огромные массы тех, кто из нее выпал.

Осмысляя эту данность в контексте отечественных реалий, Святейший Патриарх Алексий II в декабрьском докладе в 2004 году говорит о *вторичной христианизации* как неизбежном и непременном факторе миссионерства в новом, постсоветском

социуме [1]. Воинствующий антиклерикализм на наших глазах превращает европейскую цивилизацию в постхристианскую и даже антихристианскую. А потому задача сопротивляться этой духовной энтропии ложится на миссионеров, делателей, выходящих на жатву, «чтобы спасти хотя бы некоторых» (1 Кор. 9:22). Стоит заметить, что в этих обстоятельствах проповедь означает не только миссию, но и апологетику; возвращаясь к мыслям Святейшего Патриарха Алексия II, мы должны придать особенное внимание указанному им обстоятельству: *вторичная христианизация* потребует разработки новых методов миссии и специальной подготовки проповедников [1].

Приведенные соображения, на наш взгляд, в достаточной мере обосновывают актуальность работ по осмыслению и теоретизации форм и методов современной миссии Русской Православной Церкви. В рамках настоящей статьи мы ставим цель обосновать принципиальную важность работы над тем, что является инструментом миссии — ее языком; а также доказать ключевую характеристику этого миссионерского языка как инструмента коммуникации с молодежью.

Внимательный анализ современной церковной ситуации заставляет констатировать значительное отставание теоретической и научно-методической базы отечественной миссиологии от накопленного в последние десятилетия практического материала. Исследований области общения с молодежью в смыслах формата и методов, приемлемого или неприемлемого контекста и текста общения, выбора средств общения и смыслового поля на настоящее время нет, хотя есть различные методические пособия. Разработанные миссионерские пособия не разрешают проблемы выбора форм и методов коммуникации, поскольку нацелены на раскрытие сути миссии, смыслов миссионерской деятельности, тогда как формат общения как таковой практически не рассматривается, а современность диктует необходимость учитывать внешнюю среду как среду формирующую человека, к которому

направлена внешняя миссия, в особенности молодого человека, школьника и студента.

В церковных документах описано взаимодействие Синодального миссионерского отдела с епархиальными структурами [8], действуют документы, отображающие концептуальную сторону миссионерской деятельности общецерковного уровня [9], внешнюю миссию, отображенную в постановлениях Священного синода от 2013 года [14, с. 418–427] и 2011 года [15, с. 411–417]. Документально закреплены принципы отношения Церкви к инославию [17]. Существует единый стандарт подготовки миссионеров [28, с. 445–464], епархиальные положения о коллегии миссионеров [19, с. 427–434], положение об аттестации миссионеров [20], правила подготовки специалистов, связанные с миссионерской работой [21, с. 445], и разработанные рекомендации для штатного миссионерского работника прихода [22, с. 439–444].

Существует достаточное количество наблюдений, воспоминаний, передачи опыта, обобщения видов присутствия в медиапространстве [24, с. 35] и проблем, с которыми сталкивается православная миссия — затягивания проповедников в неэффективные, ненужные споры, конфликтность среды, поиск тональности общения и готовности миссионера к общению в медиапространстве [7, с. 242–253]. Обобщая сведения о научной разработанности темы, посвященной церковной работе с молодежью в разрезе проблем языка, терминологии, пастырской и приходской практики, можно утверждать, что в церковно-научной среде преобладают эмпирические наработки, реализованные в формах опыта и наблюдения. Тем не менее следует указать на работы протоиерея Георгия Иоффе [4], А. Г. Кравецкого [10, с. 543–545], А. Б. Ефимова [3], В. М. Чернышева [29], Б. Г. Якименко [30], которые в своей теоретической части касаются отдельных аспектов обозначенной проблемы.

Исследователю современных форм и методов миссиологии следует обратить внимание на труды игумена Серапиона

(А. Е. Митько), раскрывающем место православной миссиологии в системе богословских наук, отчетливо обозначена проблема места миссиологии в общем составе богословия, хотя отдельно язык миссии не рассматривается [12].

Переходя к постановке проблемы, выделим следующий факт: современное общество, как уже упоминалось выше, характеризуется стремительной эволюцией форм и средств коммуникации. Хотя сама концепция «информационной эры» возникла и получила осмысление в конце прошлого столетия, намного более полно увидеть масштабы и оценить последствия изменения общества позволяет текущий момент — первая четверть XXI века. Цифровизация и уход в Интернет практически всех традиционных источников информации, включая, собственно, межличностное общение; рост популярности социальных сетей; эволюция как самих электронных инструментов (компьютеров, «гаджетов» и периферийных устройств), так и их программного обеспечения — все это приметы последних двух десятилетий. Однако сколь фантастические формы ни принимали бы технические способы передачи данных, важнейшую роль в коммуницировании и между отдельными индивидуумами, и между группами, и всем обществом в целом по-прежнему играет язык общения. Вместе с этим становится очевидно, что сам язык, в свою очередь, претерпевает значительную трансформацию в описанных условиях, меняя характер информационной среды. Всем известная «клиповость» молодежного мышления есть не что иное, как «гигиеническое» современное средство понижения объема поступающей информации, которое, однако, ведет к опрощению поступающих смыслов.

Эта проблема уже настолько очевидна, что задача сохранения языка, его чистоты и смыслового наполнения становится одной из приоритетных тем, обсуждавшихся в рамках российских и международных церковно-общественных мероприятий последних лет. Итоговый документ XXXII Международных Рождественских чтений указал на необходимость

пастырского и миссионерского попечения о чистоте речи [6]; писатель Ямилъ Мустафин, участник XI Всемирного Русского Народного Собора, говорит о защите речи общения от ее деградации, защите слова от от любого приближения к обесцениванию реальной сути произносимого, как о части *русской национальной идеи* [13].

Но это лишь одна из сторон проблемы. Вторая, не менее тревожная, тенденция современности состоит в том, что главным объектом трансформации сознания под влиянием процессов «цифровизации мышления» становится молодое поколение. Достаточно сопоставить возраст возникновения описанного М. Кастельсом сетевого общества с возрастными рамками нынешних 18–25-летних людей, и мы увидим, что они практически накладываются друг на друга, создавая опасный резонанс. Проблема языкового барьера между поколениями (сама по себе отнюдь не новая) в таких условиях многократно обостряется. Иными словами, мы становимся свидетелями того, как старшее и младшее поколения начинают говорить на действительно разных языках. Простой и наглядный пример, почерпнутый из доклада Я. Мустафина: вместо слова *красивый* используется слово *сексуальный*; смена оттенков смысла искажает мировосприятие, поскольку понятие женской красоты в таком применении сводит на нет собственно восприятие человека — из личности, которой свойственна красота и души, и тела, остается лишь телесность [13].

Другим, менее очевидным, но не менее опасным следствием этого возрастающего разрыва нового поколения со своей национальной культурной парадигмой становится борьба за эту часть социума со стороны иных, в том числе откровенно враждебных Церкви групп; борьба тем более безжалостная, чем очевиднее стратегическое значение ее успешности. Доцент МГУ, кандидат социологических наук С. О. Елишев указывает, что молодежь как объект социальных манипуляций может подвергаться таковому в период первой фазы социализации, поскольку именно первичная социализация ведет к

самоидентификации личности, и именно юношество активно воспринимает мнение *значимых других*, имплементируя мировоззрение значимого другого в собственное развивающееся представление о мире, своем месте в мире, и месте в мире других людей [2, с. 49].

Можно констатировать, что миссионерский язык Церкви в наше время — это в первую очередь язык ее общения с молодежью. И насколько неиллюзорны те угрозы, которые мы описали, настолько продуманными и эффективными должны стать формы коммуницирования Церкви на этой части миссионерского поля деятельности. Выйти на глубокий разговор с аудиторией становится возможным лишь тогда, когда она услышит говорящего, когда информация будет выделяться в информационном шуме, в котором живет любой современный человек.

Основополагающие понятия и принципы, связанные с миссией РПЦ в молодежной среде содержатся в Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви [9, с. 368–394]. Концепция выделяет шесть групп молодежи, миссия к которым различается по мере их отношения к Церкви:

1) достаточно воцерковленная молодежь с различной степенью активности в делах епархии или прихода, и по своему восприятию личного места в Церкви — основой миссии, направленной к данной категории, является помощь в проявлении инициативы и поддержка инициатив; побуждение к личной активности, вовлеченность в общественное церковное служение по мере сил и возможностей;

2) недавно воцерковленные люди, неофиты — данной категории свойственно переоценивать собственную компетентность в вопросах церковной жизни, и миссия к ним строится на постепенном вовлечении в реальную жизнь общины, практические действия совместно с воцерковленными людьми;

3) молодежь внецерковная, но относящаяся к Православию положительно, дружелюбно — в отношении данной группы

Концепция предполагает привлечение к дискуссиям, досугу, творческой деятельности и т. п. совместно с воцерковленной молодежью, с условием соответствия требованиям православной культуры;

4) религиозная молодежь других конфессий или традиционных религий, готовая к диалогу, расположенная к Православию — тут наиболее эффективной формой миссии может оказаться работа в области просвещения, образования: совместные культурные программы, семинары и т. д., способные объединять молодежь разных конфессий (противодействие абортам, наркомании, деструктивным культам и течениям; социальное служение);

5) невоцерковленная молодежь, для которой характерно нейтральное (индифферентное) отношение к Православию — общение в этой среде предполагается выстраивать на принципах искренности, открытости и терпения; ложные стереотипы, свойственные данной группе, могут разрушаться под влиянием новых знаний, новых представлений, мотивации на созидательное начало духовности;

6) группа молодежи, настроенная к Церкви отрицательно — безусловно, наиболее сложная группа, диалог с которой может быть выстроен только на основе любви и упования на Бога, потому что любая попытка сближения с указанной группой требует от миссионера высокого духовного состояния, готовности снести насмешки, обидные слова и угрозы.

Пятая группа представляется самой важной. Равнодушные к религии в целом и к православному вероучению составляют самое многочисленное миссионерское поле. Именно по данной группе Концепция миссионерской деятельности предлагает ориентироваться на эффективность миссии среди молодежи. И именно к этой группе в наибольшей степени применимы сказанные выше слова о вторичной *христианизации*.

С. Н. Лозовская, анализируя общецерковный уровень работы с молодым поколением, пишет, что современный опыт указывает на то, что «растущая индивидуализация делает

молодых людей более критичными по отношению к внешним авторитетам и нормам, которые не принимаются на веру, а требуют аргументации и обоснования. Молодежь стремится иметь собственное суждение по всем вопросам современности, развивать свой собственный стиль, демонстрировать силу и самодостаточность» [11, с. 235].

Очевидно, что речь идет о способах вероубеждения, в которых особенную роль играют речь, смысл, обращенность к молодежи на уровне проблематики, волнующей православное большинство, без некоей информационной изоляции молодых людей. На тот же аспект миссии к молодежи обращается внимание и в коллективной монографии под редакцией протоиерея В. Хулапа, где отмечается, что «Православное молодежное служение — это не просто работа „Церкви взрослых“ с молодежью, но совместное служение различных поколений верующих как в церковной ограде, так и за ее пределами» [16, с. 8].

В контексте данного высказывания мы вновь вынуждены напомнить о нарастании языкового, а стало быть, смыслового и психологического барьера между поколениями. Церковь живет в смысловом поле Откровения, которое по определению носит вневременной характер. Однако миссия в современном мире, по мнению игумена Серапиона, инновационна в части исторических изменений адресата миссии [25, с. 228].

Преодоление указанного разрыва не представляется возможным без серьезной практической и аналитической работы со стороны Церкви.

Сложно предположить ситуацию, когда группе воцерковленной молодежи и группе, например, молодежи других конфессий можно было бы адресовать одинаковые по внутренней наполненности речи по причине разного уровня знаний, разного восприятия нравственных ценностей. Поэтому в прикладной миссиологии должны развиваться такие дисциплины, как апологетика, культурология, лингвистика, этнология, психология, социология, статистика

и география, именно миссионерского наполнения. Церковь, выступая автором миссии, действующим началом, нуждается в развитии и применении инновационных методологий и технологий, поэтому должна возникнуть и такая прикладная дисциплина, как управление миссионерскими проектами. Именно по причине перечисленных системных нужд миссии встает вопрос о понятийном аппарате самой науки и одновременно вопрос о том, как реализуется сам процесс миссии. На каком из языков (а каждая из перечисленных в Концепции миссионерской деятельности групп молодежи говорит «на своем языке») должна реализовываться миссия? Возвышенном и оперирующим словами, понятными воцерковленному человеку? На таком языке миссия может быть обращена к первой группе молодежи — воцерковленной и имеющей уже личный опыт. Данная группа в своей среде различается по степени активности в Церкви, по-разному воспринимает свое личное место в Церкви. Концепция миссионерской деятельности рекомендует для этой категории молодежи сокращение дистанции между клиром и мирянами, что должно послужить способом снизить или убрать барьеры, мешающие проявлять инициативу. Безусловно, будучи нацелена на вовлеченность в миссию Церкви в целом, миссионерская работа требует здесь своей терминологии и детального внимания к тому, как реализуется свободная воля молодого человека. В данной области миссионерской деятельности свобода взаимодействия реализуется в привычной уже воцерковленному человеку терминологии, не требует разъяснений непонятных слов и сложных понятий, потому что существует общий язык, найденный, например, на уровне прихода и уже привычный молодому человеку. Во втором случае речь идет о группе неопитов. Очевидно, что, не обладая достаточными знаниями основ Православия, такие молодые люди могут быть подвержены опасности создавать ошибочные стереотипы, впадают в «губительный синкретизм» [27, с. 332]. Выступая на I Международном коммуникативном

форуме «МедиаПост» в РГСУ в 2017 году Святейший Патриарх Кирилл назвал вариант неорганизованной, информационно-перегруженной миссии «информационным хламом» [26]. Следовательно, работа с неοфитами требует особенного отношения как к терминологии теоретической стороны миссии, так и к терминологии, обращенной к данной группе миссии. В рамках катехизации (как миссии внутренней), учитывая, что Концепция здесь рекомендует объединять действия неοфитов со служением воцерковленных людей, требуется существенная работа с качеством и количеством новой для неοфитов информации. В третьем случае, когда миссия обращена к молодежи невоцерковленной, дружелюбно настроенной к Православию, концептуально предлагается реализовывать миссию как совместный с воцерковленной молодежью досуг и творчество, но с учетом присутствия в такой деятельности основ православной духовности. Здесь возникает новый виток спирали методологии миссии. Именно язык общения в неправославной среде уже имеет в себе большую свободу употребления разных осовремененных слов с учетом шаблонов восприятия Православия, да и религиозности в целом. Насколько должен быть опрошен язык миссии — вопрос, который каждый миссионер решает сам. Миссиология на настоящий момент не дает точного ответа. Можно привести в пример феномен Андрея Кураева: на начальном этапе деятельности речь его была лишена обшечной лексики, а позже его личная миссия стала изобиловать словами и фразами прямолинейного, а иногда и откровенно грубого характера. Не стоит отрицать, что определенная часть молодежи невоцерковленной, но сочувствующей Православию, и часть неοфитов, часто полагающих себя знающих больше, чем люди воцерковленные, могут быть вовлечены в ту форму синкретизма, которую предлагает Андрей Кураев. Аналогично можно сказать и о представлениях четвертой, пятой и шестой групп, выделяемых концептуально, когда речь идет о миссии.

Проведя довольно обширное исследование в области

терминов и языка миссиологии, игумен Серапион делает ряд существенных выводов о том, что имеется существенное несоответствие терминологии миссии и понятий Божественного Откровения. Два основных аспекта несоответствия состоят, во-первых, в различии языка миссии и языка Писания и Предания, когда преемственность натывается здесь на культурные лакуны, когда язык Церкви, богослужебный и книжный, сталкивается с языком современных медиа, СМИ и языком обычного общения. Говоря на языке современной обыденности (если выйти за рамки первой и второй концептуальных групп), миссия предельно дистанцируется от библейской и святоотеческой терминологии по причинам развития языка как такового, впитывающего язык науки, улицы, СМИ, «информационный хлам» Интернета.

Попытка говорить на упрощенном языке, объясняя религиозные истины лицам, перечисленным в концептуальных группах с третьей по седьмую, может приводить к искажениям подлинно церковной формы мировоззрения, т. н. «православия-лайт». Использование различных форм упрощения проповеди может, безусловно, вовлекать человека в диалог, привлекать к яркому лидеру, но все это формы скорее увлеченности, нежели веры; скорее прозелитизм, чем миссия.

Между тем подлинная эффективность проповеди достижима работой над иными качествами миссионерской речи. Рассуждая о языке проповеди, протоиерей Георгий Иоффе пишет, что познавательная функция природы языка не описывает и не исчерпывает. Если «книжная культура» царила над умами миссии почти два тысячелетия, то современная культура тяготеет к средствам, опирающимся на слух, картинку и смысл речи, то есть тяготеет к средствам аудиовизуализации. В современном мире для манипуляции в рамках политехнологий и социального дизайна, без которого не существует современный политический и экономический мир, на вооружение взяты те свойства речи, которые веками

исключали в таких словесных науках, как грамматика, логика, философия, богословие [4].

Можно также продолжить мысль и сказать, что наука словесная старалась сделать речь максимально приближенной к современной «логике компьютера», доходчивой и простой. Но оказалось, что волнение души, увлечение души возникает не в логической схеме, а в условиях красивой, поэтичной, искренней и прочувствованной речи. На этом выстраивается рекламная технология. Человек покупает то, чего покупать не собирался. Извечно выстраивая храмы на руинах язычества, вытесняя языческие традиции проповедью, Церковь может и в современном мире таким образом развивать свой язык, чтобы поле миссии было наполнено красивой, поэтичной, искренней и прочувствованной речью, получающей отклик в душе того, к кому обращено слово.

Перед тем, как мы перейдем к итогам нашей работы, стоит обратиться к примерам, почерпнутым из отечественной и общей церковной истории, с которыми уместно будет провести параллель в интересующем нас ключе. Так, А. Г. Кравецкий, анализируя типы миссионерских подходов на рубеже XIX–XX веков, пишет, что существовало два подхода: подход, по сути, игнорирующий перемены, и подход, перемены приветствующий [10, с. 544].

Ориентация на традиционные институты общества, которая была возможна в тот исторический период, в современном мире может быть использована, вероятно, лишь для молодежи из семей, где очень крепки семейные ценности. Сохранение традиционного благочестия, очевидно, было возможно в том мире, в котором корни такого благочестия были еще живы. Другой подход, который применяется уже и в современности, есть отношение к модернизации общества как исторической данности, избежать которой нельзя. Здесь, подчеркивает А. Г. Кравецкий, прослеживается обратная тенденция, когда традиционность воспринимается как некая форма суеверия, слабости веры, неуверенности. Спорность обеих позиций

состоит в том, что невозможно отрицать исторические перемены и нельзя отрицать вневременность Откровения Божиего. Протоиерей Сергей Рубежанский, приводя в статье шесть методов раннехристианской проповеди, приходит к выводу, что единственный верный путь миссии — личное свидетельство любви к человеку. В простом павловом принципе «жить и мыслить во Христе Иисусе, Господе нашем» (Гал. 2:20) заключены проповедь, чудеса, нравственная жизнь, мученичество, человеческая мудрость и оглашение [23, с. 37]. Здесь шесть методов увенчаны седьмым, в котором образуется полнота, но выразить с научной точки зрения, вероятно, такую принципиальную особенность метода миссии невозможно.

С нашей точки зрения представляется возможным выдвинуть следующий подход: в качестве общепринятого ориентира при построении миссионерской речи наиболее приемлемым вариантом остается чистый отечественный литературный язык, исключающий избыточную сакрализацию несакрального и вместе с тем исключающий десакрализацию сакрального.

Соответственно, задача выработки современного миссионерского языка тесно связана как с образованием миссионеров, так и с развитием эмпатии, то есть «чувствования» молодежи миссионером, поиска и дистанции, и вместе с тем близости в том единственном для самого проповедника поле смыслов, что будет углубляться и расширяться, не становясь избыточной близостью и младостарчеством.

Подводя итоги, можно заключить, что язык православной миссии в пастырской и приходской работе с молодежью в Русской Православной Церкви тесно связан с понятием миссионерской ответственности, формированием адекватных ситуации миссии понятий и доверительности. Язык молодежной миссии и язык миссии «взрослой Церкви» не различаются между собой, но для молодежи именно обращение к человеку формирует самоидентичность в период сложных событий в жизни социума и отдельной личности. Язык

миссии — это речь, которой Церковь обращается к людям, которые не просто слушают, а слышат слово, построенное на личным опыте, доступным языком, призывающее к действию и вызывающее действие. Выбор действий церковной иерархии в предельно спорных и сложных ситуациях есть действие на миссионерском поле, в которое включен всегда слушающий, порой слышащий, а иногда и противоречащий человек.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Епархиальном собрании города Москвы. 15 декабря 2004 года в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя // URL: <https://sedmitza.ru/text/447375.html> (дата обращения: 27.06.2024)

2. Елишев С. О. Социальное манипулирование современной молодежи: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Елишев Сергей Олегович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. — Москва, 2018. — 450 с. С. 49–51.

3. Ефимов А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: ПСТГУ, 2007. 683 с.

4. Иоффе Г., *прот.* Практическая миссиология // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/katehizacija/prakticheskaya-missiologya.shtml> (дата обращения: 11.11.2020).

5. Иоффе Г., *прот.* Язык миссии в пространстве сетевой коммуникации // Миссионерское обозрение. 2017. № 4–5. С. 19–24.

6. Итоговый документ XXXII Международных Рождественских чтений «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего // Патриархия.ру. Журналы Священного Синода от 12 марта 2024 года. № 3. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6113443.html> (дата обращения: 12.05.2024).

7. Ковалев М. И. Миссия в социальных сетях: актуальное состояние, проблемы и перспективы // Труды Белгородской духовной семинарии. 2023. № 16. — С. 242–253.

8. Концепция деятельности епархиального миссионерского отдела и взаимодействия с Синодальным миссионерским отделом (Документ подготовлен Синодальным миссионерским отделом, одобрен на заседании Высшего церковного совета 16 марта 2018 г. и утвержден на заседании Священного синода 14 мая, журнал № 29) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5195630.html> (дата обращения: 10.11.2020).

9. Концепция миссионерской деятельности Русской православной церкви (принята Священным синодом Русской православной церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014. Т. 2, ч. 1. С. 368–394.

10. *Кравецкий А. Г.* Церковная миссия в эпоху перемен: между проповедью и диалогом. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2012. С. 543–545.

11. *Лозовская С. Н.* Молодежное служение и работа в РПЦ // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 234–235.

12. *Митько А. Е. (игумен Серапион).* Православная миссиология в системе теологического знания: диссертация... доктора теологии: 26.00.01. — Москва — 2019. — 373 с.

13. *Мустафин Ямил* // Секция «Русский народ, русская культура и русский язык как факторы единства российского общества и государства. XI ВРНС «Богатство и бедность: исторические вызовы России» (5–7.03.2007). URL: <https://vrns.ru/documents/sektsiya-russkiy-narod-russkaya-kultura-i-russkiy-yazyk-kak-factory-edinstva-rossiyskogo-obshchestva/> (дата обращения: 27.06.2024).

14. О современной внешней миссии Русской православной церкви (принято Священным синодом Русской православной церкви 16 июля 2013 г., журнал № 80) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014 Т. 2, ч. 1. С. 418–427.

15. Об организации миссионерской работы в Русской православной церкви (определение Священного синода Русской православной церкви 27 декабря 2011 г., журнал № 152) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014 Т. 2, ч. 1. С. 411–417.

16. Организация работы с подростками и молодежью в русской православной церкви: коллективная монография / М. Браверман, З. Н. Григорова, С. П. Иваненков и др. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2017. С. 7–8.

17. Основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию (документ, принятый на юбилейном Архиерейском соборе 2000 г., отражает и определяет основные принципы отношения Русской православной церкви к инославию, а также к взаимодействию с инославными и межконфессиональными организациями) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?ctxowner=8942> (дата обращения: 10.11.2020).

18. Паницерев К. А. Информационное общество: эволюция концепции в исторической перспективе // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2010, вып. 1. С. 65–72.

19. Положение о епархиальной миссионерской коллегии (утверждено патриархом Московским и всея Руси 6 июня 2012 г.) // Собрание документов Русской православной церкви. Т. 2, ч. 1. С. 427–434.

20. Положение об аттестации миссионеров (документ принят Высшим церковным советом 21 июня 2013 г. и одобрен на заседании Священного синода 16 июля 2013 г., журнал № 74) // Официальный сайт Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3608541.html> (дата обращения: 10.11.2023).

21. Правила организации подготовки специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и

социальной деятельности (приняты Священным синодом Русской православной церкви 12 марта 2013 г., журнал № 26) // Собрание документов Русской православной церкви. Т. 2, ч. 1. С. 445.

22. Рекомендации к деятельности штатного помощника настоятеля по миссионерскому служению (утверждено патриархом Московским и всея Руси 6 июня 2012 г.) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014. Т. 2, ч. 1. С. 439–444.

23. Рубежанский С. И., *прот.* Методы миссионерской деятельности в раннехристианской и современной Церкви // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Белгород: СКпресс, 2020. Вып. X. С. 35.

24. Рубежанский С. И., *прот.* Позитивные аспекты миссионерской деятельности в медиапространстве // Труды Белгородской духовной семинарии. 2023. № 16. — С. 49–55.

25. Серапион (Митько), *иг.* Понятийный аппарат современной православной миссиологии // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. Вып. 30. С. 228.

26. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на I Международном коммуникативном форуме «МедиаПост» в РГСУ // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5032585.html> (дата обращения 12.10.2020).

27. Сулимов С. И. Христианство как фактор культурной экспансии: между прозелитизмом и антисистемой // Субъективное и объективное в историческом процессе: Материалы международной научной конференции «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса». 21 апреля 2017. Донецк, 2017. С. 332.

28. Церковный образовательный стандарт по подготовке миссионеров (принят Священным синодом Русской

православной церкви 16 июля 2013 г., журнал № 74) // Собрание документов Русской православной церкви. Деятельность Русской православной церкви. М.: Изд-во Московской патриархии Русской православной церкви, 2014. Т. 2, ч. 1. С. 445–464.

29. Чернышев В. М. Миссиология. К.: Изд-во им. свт. Льва, Папы Римского, 2010. Ч. 1. 612 с.

30. Якименко Б. Г. Практическая миссиология. М.: Школа великих книг, 2016. 284 с.